УДК 316.444(4-01) DOI: 10.22394/2071–2367–2019–14–1–145–160

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА

***Муфтахова А.Н.*[1]**

Актуальность темы обусловлена наличием сохраняющейся нестабильной социально–экономической ситуации в современном обществе, порождающей отсутствие равных возможностей в способах решения жилищного вопроса. *Цель исследования* – изучении причин территориальной мобильности в странах Евросоюза.

Предметом исследования выступили проявления социальной мобильности по территориальному признаку среди граждан и жителей Евросоюза в условиях жилищного неравенства.

Методология исследования основана на изучении данных дескриптивной статистики социально–демографических и межстрановых различий, представленных службой Евростат, на основе которых была проведена оценка показателей территориальной мобильности.

Результаты. Проведенное исследование неравенства при решении жилищных проблем в странах Евросоюза позволило выявить, как различие экономических систем хозяйственных корпораций сказывается на скорости и масштабах социальной и территориальной мобильности граждан ЕС. Это явление играет значительную роль при разработке эффективной жилищной политики в странах евросоюза.

Ключевые слова: жилищная стратификация; социальное неравенство; социальная мобильность; Евросоюз; обитание.

Муфтахова Альмира Нургалиевна – аспирант, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно–исследовательского социологического центра Российской академии наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН), Санкт–Петербург, адрес: 190005, Санкт–Петербург, ул. 7–я Красноармейская, д. 25/14, e–mail: msmalmira@yandex.ru

TERRITORIAL MOBILITY IN THE EUROPEAN UNION COUNTRIES

MUFTAKHOVA A. N. – Postgraduate student, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: msmalmira @ yandex.ru.

The relevance of the topic is due to the presence of the continuing unstable socio-economic situation in modern society, which generates the lack of equal opportunities in ways to solve the housing issue. The *purpose of the study* is to study the causes of territorial mobility in the countries of the European Union.

The subject of the study is manifestations of social mobility on a territorial basis among citizens and residents of the European Union in terms of housing inequality.

The research methodology is based on the study of descriptive statistics of socio-demographic and cross-country differences presented by the Eurostat service, on the basis of which the indicators of territorial mobility were assessed.

Results. The research of inequality in solving housing problems in the EU countries revealed how the difference in economic systems of economic corporations affects the speed and scale of social and territorial mobility of EU citizens. This phenomenon plays a significant role in the development of an effective housing policy in the EU countries.

Keywords: housing stratification; social inequality; social mobility; the European Union; habitat.

Результаты изучения неравенства европейских граждан при удовлетворении жилищных потребностей позволяют обратиться к вопросу мобильности в условиях стратифицированного общества.

Согласно ранее проведённому исследованию, в современной Европе существует большое разнообразие жилищных политик и путей решения жилищной проблемы. Такое различие обусловлено цивилизационными и социо–культурными особенностями стран, уровнем их экономического развития и рядом других не менее значимых факторов.

Сопоставительная оценка позволила указать на отличительные особенности в удовлетворении естественных жилищных потребностей в Западной и Восточной Европе. Специфику отношений по вопросам решения жилищных проблем на западе Европы составляет взаимосвязь с субсидиарным подходом («жильё как роскошь»), в отличие от восточноевропейской солидарности – от завышенного ожидания права простой (частной) собственности на недвижимость, которая заменила социалистическое градостроительство, где «жильё являлось результатом труда».

В странах, имеющих развитую экономику, распространены аренда и лизинг,

кредиты под залог недвижимости (ипотека), социальное возмещение расходов на жилье, что свидетельствует об укоренённости способов решения жилищных вопросов. Многообразие способов решения жилищной проблемы и свобода населения в своем выборе места обитания приводят к увеличению стоимости жилья. В Западной Европе материальная и нематериальная стоимость недвижимости выше, чем в бывших социалистических государствах (иногда с единственным типом проживания граждан в жилищах).

В странах с транзитивной экономикой в рамках внедрения БОД была сделана ставка на переход к либерально–монетарному подходу введения частной собственности методом всеобщей приватизации жилья как ключевого способа решения жилищной проблемы. Завышенные надежды населения востока Европы от института простой собственности сказываются весьма негативным фактором влияния на жилищные условия. В этих странах наблюдаются высокий уровень перенаселенности, увеличение доли населения, имеющего жилищные проблемы или лишенного некоторых элементов жилья по статусу доходов (бедность).

Модель социально–экономической стратификации (с точки зрения доходов), включенная в методологию Евростата, которая учитывает долю населения, подверженного риску бедности, свидетельствует о значительных различиях в решении жилищной проблемы среди жителей европейских государств. В развитых странах с относительно стабильным положением наблюдается неравенство, при котором жилищные условия и уровень жизни малоимущих в два, а то и в четыре раза хуже, чем у остального населения.

Анализ показателей удовлетворённости населения своим жильём в европейских странах обнаружил персонификацию системы суждения о своём месте обитания, что объясняется критичностью требований населения к жилищным условиям[1].

Вслед за О.Н. Яницким считаем: развитие социального потенциала населения невозможно без его социально–территориальной мобильности[2]. А мобильность как способность адаптироваться к постоянно изменяющемуся глобальному и местному контексту суть необходимое свойство современных субъектов действия любого масштаба[3].

Проблема пространственного перемещения в стратифицированной иерархии изучалась ещё в классической социологии. Так, П.А. Сорокиным мобильность трактуется как переход индивида, социальной группы в социальном пространстве

---

[1] Муфтахова А.Н., Козырева Л.Д. Жилищная стратификация в странах Евросоюза // Экономическая социология. – 2018. – Т. 19. – № 1. – С. 116–142.

[2] Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек: монография. [Электронный ресурс] / предисл. Л.М. Дробижевой. – Электрон.текст. дан. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – С. 60. / Официальный портал ФНИСЦ РАН. – URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961 (дата обращения: 12.12.2018).

[3] Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек: монография.– М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – С. 33.– URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961 (дата обращения: 12.12.2018).

из одной страты в другую и представляется в виде «социального здания», где жильцы при помощи огромнейших лестниц передвигаются «вверх и вниз» по «социальным этажам»[1].

Жилищная стратификация и мобильность изучалась и М. Вебером, который видел в социальном пространстве европейского города не только скопление жилищ, но и капиталистическую систему хозяйственных корпораций с собственным земельным владением[2].

Роль жилья и влияние жилищных условий на среду обитания в городском пространстве выявляет Чикагская школа социологии. Р.Э. Парк и Э. Бёрджес объясняли мобильность жителей городов динамикой и метаболизмом городской жизни, что, в свою очередь, приводило к смене групп населения, изменению внешнего вида и атмосферы конкретных районов, а также формированию различий в стоимости земли и жилой недвижимости[3]. Ф.С. Чэпин проводил ряд исследований для установления зависимостей между восходящей вертикальной мобильностью и переселением семей из городских ветхих домов в социальное жильё[4]. Его выводы были подвержены критической оценке по причине устоявшихся взглядов на главенство демографических характеристик, оказывающих влияние на решения о перераспределении населения, к которым относятся социально–экономические и психологические факторы, касающиеся семьи и её жизненного цикла, а также профессионально–трудовой мобильности.

Однако развитие теоретических предпосылок о существовании абстрактного пространства внутри полей и практик социальных действий позволило переступить через ограничение структурированного отношения к передвижениям по «социальным лестницам» (социальной иерархии). А. Лефевр считал актуализацию социальной и профессиональной мобильности, столь желаемую планировщиками (владельцами и агентами устроения города), в корне поверхностной, поскольку подобный взгляд оставляет социальные отношения нетронутыми, и при этом городское социальное пространство внутри наполнено всевозможными противоречиями порядка и беспорядка, равновесия и движения, стабильности и мобильности[5].

М. Кастельс, задаваясь урбанистическими вопросами, находил на них ответ в процессах формирования жилого пространства, одновременно сложного в своих проявлениях и соответствующего предельно чётким общим тенденциям, что может

---

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. Общ.ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – С. 376.

[2] Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: КАНОН–пресс–Ц, Кучково поле, 2001. – С. 342.

[3] ParkR.E., Burgess E.W. (1992) The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – P. 211.

[4] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – С. 224.

[5] Lefebvre H. (2003) The urban revolution. – London: University of Minnesota Press, Minneapolis. – P. 97.

быть воспринято на уровне субъектов через изучение того, что называется жилой мобильностью, то есть уже произведенных перемещений индивидом в жилом пространстве[1]. В дальнейшем, проводя изучения информационных сообществ, М. Кастельс выявил свойственный европейскому жилищу «домоцентризм» и «индивидуализм»[2].

Дж. Урри, отталкиваясь от идей сетевого общества М. Кастельса, использует концепцию «сетевого капитала» для того, чтобы увязать теоретическую модель пространственной «мобильности» с исходными критериями социального неравенства[3]. Ссылаясь на В. Кауфманна, он приводит различные формы мобильности – жилищная мобильность, миграция, путешествие и будничная мобильность, имеющие комбинированные типы между этими четырьмя: двойные места проживания, транспортные перемещения между домом и работой, разные домовладения и туристические поездки на короткий срок[4]. Наряду с этим Дж. Урри, говоря о природе жилища, исходит из тех следствий, которые проистекают из тезиса, что индивиды живут в сообществах – локально–определенных или построенных в заданных формах – и из предположения о том, что большинство типов жизнеобитания зависят от различных моделей мобильности[5].

С точки зрения П. Сондерса, расширение потребительского потенциала городского района может ускорять ухудшение состояния окружающей его территории за счет увеличения стоимости прилегающей земли, угрожая существующему жилищному фонду, а существующее население постепенно съезжает, в то время как их место занимают новые жители, которые находят свою нишу в обесценивающейся собственности[6].

Подобные выводы встречаются в научных изысканиях и у других авторов.

Изучение жизнеобитания домохозяйств в американских городах позволило А.Б. Шлай установить, что в основном домовладельцы среднего класса показывают положительный эффект домовладения. Домовладельцы по сравнению с арендаторами имеют более длительный срок владения жильем и сравнительно меньшую жилую мобильность[7].

---

[1] Castells M. (1977) The Urban Question: A Marxist Approach. Cambridge: The MIT Press. – P. 178–179.

[2] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 312.

[3] Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. ст. Н.А. Харламова. – М.: ИКГ Праксис, 2012. – С. 435.

[4] Там же. – С. 122.

[5] Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: ИД ВШЭ, 2012. – С. 14.

[6] Saunders P. (1986) Social Theory and the Urban Question. Second Edition. London and New–York: Routledge.–P. 35.

[7] Shlay A.B. (2006) Low–income Homeownership: American Dream or Delusion? // Urban Studies. – Vol. 43. – № 3. – P. 518.

Исследованием Р. Финчер и М. Вульф установлено, что мобильность населения в Австралии способствует созданию неравенства и неблагоприятных условий в конкретных местах. Зачастую формы частого перемещения, составляющие материальную жизнь, связаны с жильем и возможностями трудоустройства. Мобильность населения находится в зависимости от меняющегося рынка жилья и встраивает различные формы неблагоприятного положения или преимуществ в локальные сообщества[1].

Способы проживания в самовольно застроенных трущобных окрестностях (gecekondu) в Турции позволили П. Оскан сделать предположение, что существует значительное различие между арендатором и владельцем жилья, так как арендаторы, скорее всего, будут мобильными, поскольку у них нет связей со своими домами, в отличие от владельцев, которые, вероятно, будут иметь большую оседлость. При этом подобные жилые особенности и тенденции действуют через формирование различных общественных структур[2]. Обследование рынка недвижимости стран Центрально–Восточной Европы для Национального Банка Польши выявило взаимосвязь между приватизацией жилья 1990–х годов и его недоступностью в рыночных отношениях, возникающих при сделках с недвижимостью, по причинам роста трансакционных издержек, и, как следствие, ограничение вертикальной и горизонтальной мобильностей[3].

Результаты европейского межстранового анализа, проведённого М. Хаффнер, дали основание полагать, что различия в ценах, как правило, наиболее велики в районах с ограниченным рынком жилья, так как органы управления городом считают это нежелательным, поскольку это может препятствовать мобильности между секторами владения жильём, что приводит к тупиковой ситуации на рынке недвижимости. Кроме того, большой ценовой разрыв между социальным и рыночным арендным жильём может создавать проблемы доступности жилищ для семей со средним уровнем доходов[4].

Несмотря на схожесть выводов об ограничении вертикальной и горизонтальной мобильностей по причинам недоступности решения жилищных вопросов, все проведённые исследования касались территориальных перемещений в локальных городских сообществах в разных странах. По

---

[1] Fincher R. and Wulff M. (2001) Moving in and out of disadvantage: population mobility and Australian places / Creating Unequal Futures? Rethinking Poverty, Inequality and Disadvantage. / Edited by R. Fincher, P. Saunders. – Melbourne and Sydney: Allen & Unwin. – P. 189.

[2] Özcan P. (2005) A Critique of housing classes approach: The case of şentepe. – Ankara: P. 148

[3] Augustyniak H. (2013) To Rent or to Buy – Analysis of Housing Tenure Choice Determined by Housing Policy / H. Augustyniak, J. Łaszek, K. Olszewski, J. Waszczuk // National Bank of Poland Working Paper. – № 164. – P. 16.

[4] Haffner M. (2009) Bridging the gap between social and market rented housing in six European countries? / M. Haffner, J. Hoekstra, M. Oxley, H. Heijden van der. – Amsterdam: IOS Press. – P. 271.

указанной причине предполагаем, что проводимое исследование территориальной мобильности зависит от особенностей пограничного контроля ЕС, вызванных наличием Шенгенской зоны[1].

В подтверждение сказанного целесообразным представляется обратиться далее к информации Евростата[2]. Как можно заметить из данных, представленных на рис. 1, доля лиц, сменивших свое жильё и переехавших в другое жилое помещение, существенно различается в зависимости от государства пребывания.

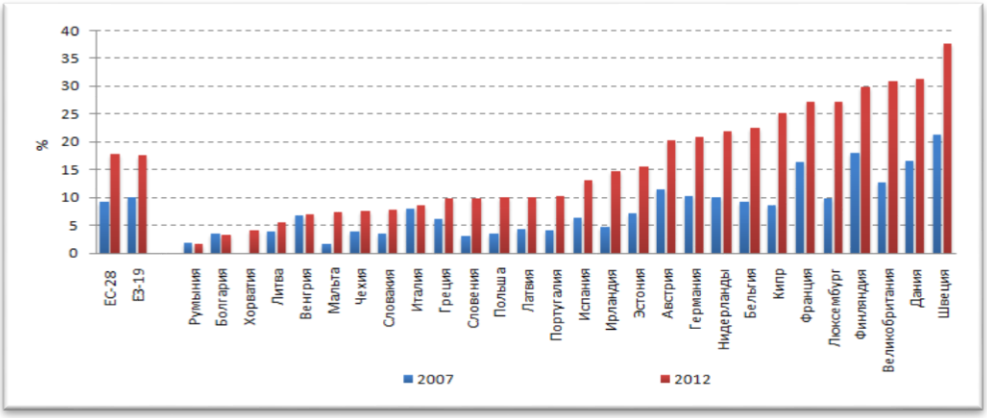

Рисунок 1 – Процент населения, переехавшего в другое жилое помещение в пятилетний период в странах ЕС (в период 2007–2012 гг.), % (данные Eurostat)[3]

Figure 1 – Percentage of the population moved to another dwelling in the five–year period in the EU (2007–2012), % (Eurostat data)

Поскольку вслед за П. Бурдьё считаем, что нельзя взять произвольно точки измерения, существование которых эмпирически доказать невозможно, и считать их неким социальным пространством[4], внутри которого происходят различные социальные активности.

Среди жителей всех европейских стран, осуществивших переезд с 2007 г. по

[1] Schengen Area [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейской комиссии. Миграция и внутренние дела (European Commission. DG Migration and Home Affairs). – URL: https://ec.europa.eu/home–affairs/what–we–do/policies/borders–and–visas/schengen_en (дата обращения: 12.11.2018).

[2] Eurostat (Евростат) [Электронный ресурс] / Официальный сайт. – URL: http://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 12.11.2018).

[3] Housing conditions. Share of population having moved to other dwelling within the last five year period by tenure status and degree of urbanisation (ilc_hcmp05) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Eurostat (Евростата). – Электрон. дан. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/web/income–and–living–conditions/data/database (дата обращения: 12.11.2018).

[4] Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 557.

2012 г., по статусу владения выделяются арендаторы (рис. 2), что можно сказать как про граждан Западной, так и Восточной Европы.

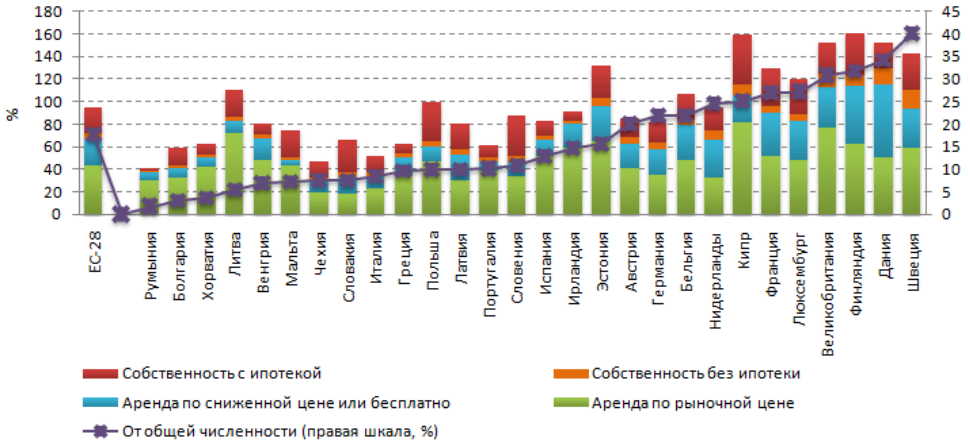

Рисунок 2 – Процент населения, переехавшего в пятилетний период в странах ЕС (в период 2007–2012 гг.) в разрезе статуса владения, % (данные Eurostat) [1]

Figure 2 – Percentage of the population moved in the five–year period in the EU (in the period 2007–2012) by ownership status,% (Eurostat data)

Переезды чаще свойственны жителям стран с более развитой жилищной политикой. В 2012 г. в Швеции выбрали иное место жительства 37,6% населения, в Дании – 31,3%, в Великобритании – 30,8% населения. Развивающиеся страны, с менее крепкой жилищной системой демонстрируют особый уровень оседлости на своей территории. В 2012 г. в Румынии сменили жильё 1,6 %, в Болгарии – 3,2% населения.

Вместе с тем имеются основания подтвердить предположение о высокой зависимости от ожиданий от права частной собственности на недвижимость. В государствах с развитыми статусами владения населению характерна независимость от места обитания, оно легко меняет одно жилище на другое. Среди переехавших граждан в Швеции 16,2% являлись собственниками жилья без ипотеки и 32,5 %– собственниками обременённой недвижимости с ипотекой или кредитом; в Дании 14,5% – простыми владельцами и 22,3% – собственниками, обременёнными кредитами; в Финляндии – 9,4% частных собственников и 37,1 % ипотечных собственников.

[1]People in the EU – statistics on geographic mobility. Population having moved within the last five–year period, by tenure status, 2012 (%) Source: Eurostat (ilc_hcmp05) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Eurostat (Евростата). – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics–explained/index.php?title=People_in_the_EU_–_statistics_on_geographic_mobility (дата обращения: 12.11.2018).

В странах Восточной Европы ситуация с мобильностью и переездами на новое место проживания несколько иная. В Венгрии переехало только 3,9% частных собственников и 9,3% собственников с ипотекой или кредитом; в Хорватии – 2,6% простых владельцев и 9,8 % владельцев обременённого имущества; в Румынии – 1,5% простых собственников и 3,1% ипотечных собственников. Низкий уровень территориальной мобильности по степени урбанизации показывают страны востока Европы (рис. 3).

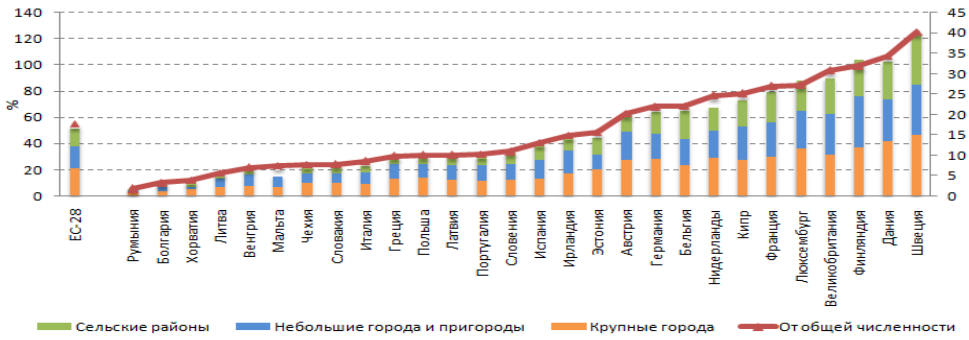

Рисунок 3 – Процент населения стран ЕС, переехавшего в пятилетний период (в период 2007–2012 гг.), по степени урбанизации, % (данные Eurostat) [1]

Figure 3 – Percentage of the population of EU countries moved in the five–year period (2007–2012), by degree of urbanization, % (Eurostat data)

В Болгарии сменили место жительства 3,7% жителей крупных городов (cities), 3,4% жителей городков и пригородов (towns and suburbs), и 2,5% жителей сельских районов (rural areas); в Румынии – 2,1%, 2,1%, 1,4% – соответственно.

Между тем, население запада Европы демонстрирует более активную подвижность при смене места жительства. В Швеции из крупных городов выехало 46,9% населения, из городков и пригородов – 38,3% населения, из сельской местности – 38,4% населения; в Великобритании – 31,4%, 31,2%, 27,5% соответственно.

Приведённые данные демонстрируют правильность концепции урбанистического восприятия, разработанной в рамках Чикагской социологической школы, при которой именно степень домовладения влияет на уровень мобильности населения. Так, Р. Маккензи в рамках «экологического подхода» рассматривал пространственные связи людей как продукт конкуренции и отбора, которые постоянно находятся в процессе изменения по мере вмешательства всевозможных факторов, стимулирующих

[1]People in the EU – statistics on geographic mobility. Population having moved within the last five–year period, by tenure status, 2012 (%) Source: Eurostat (ilc_hcmp05) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Eurostat (Евростата). – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics–explained/index.php?title=People_in_the_EU_–_statistics_on_geographic_mobility (дата обращения: 12.11.2018).

мобильность[1]. Р. Парк мобилизацию индивидуального человека увязывает со способом размещения в городском пространстве[2]. Л. Вирт считал, что в подавляющем большинстве жители городов не являются домовладельцами, а поскольку временная среда обитания подчинена флуктуационным изменениям, то в результате социальной мобильности текучесть личного состава групп горожан обычно велика[3]. Таким образом, с развитостью жилищных политик и наличием всевозможных способов в удовлетворении жилищной нужды можно объяснить такое положение вещей, при котором уровни территориальной мобильности по степени урбанизации различаются для востока и запада Европы.

Определённую зависимость показывают соотношения трудовой и жилищной мобильности (рис. 4).

Высокий уровень трудовой мобильности можно отметить среди занятого (работающего) населения в Нидерландах – 52,5% от общего числа переехавших лиц, в Германии – 58,7% от общего числа переехавших лиц.

Достаточно значимый уровень мобильности у безработных обозначен в Испании – 23,6% от общего числа лиц, которые переехали. Среди переехавших лиц, отмеченных применяемым Евростатом термином «экономически неактивные» (economically inactive[4]), больше всего замечено в странах с неразвитой или слабо развитой жилищной политикой: в Румынии – 64,1% от общего числа переселившихся жителей, в Хорватии – 55,1% от общего числа переселившихся жителей, в Венгрии – 51,8% от общего числа переселившихся жителей.

Из сказанного следует, что разность «капиталистических систем хозяйственных корпораций» (по М. Веберу) сказывается на степени территориальной мобильности граждан ЕС.

---

[1] Чикагская социология: сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно–информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; сост. и пер. Николаев В.Г.; отв. ред. Ефременко Д.В. – М.: РАН ИНИОН, 2015. – С. 36.

[2] Парк Р.Э. Избранные очерки: сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно–информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М.: РАН ИНИОН, 2011. – С. 51.

[3] Вирт Л. Избранные работы по социологии: сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно–информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; Пер. с англ. Николаев В.Г.; отв. ред. ГиркоЛ.В. – М.: РАНИНИОН, 2005. – С. 105.

[4] В соответствии с определением Международной организации труда, человек экономически неактивен, если он или она не является частью рабочей силы. Поэтому неактивные люди не работают и не имеют работы. Например, неактивное население может включать детей дошкольного возраста, школьников, студентов, пенсионеров и домохозяек или людей, при условии, что они вообще не работают и не доступны или ищут работу, и некоторые из них могут быть трудоспособного возраста. Glossary:Inactive [Электронный ресурс] / Официальный сайт Eurostat (Евростата). – URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics–explained/index.php/Glossary:Inactive (дата обращения: 12.11.2018).

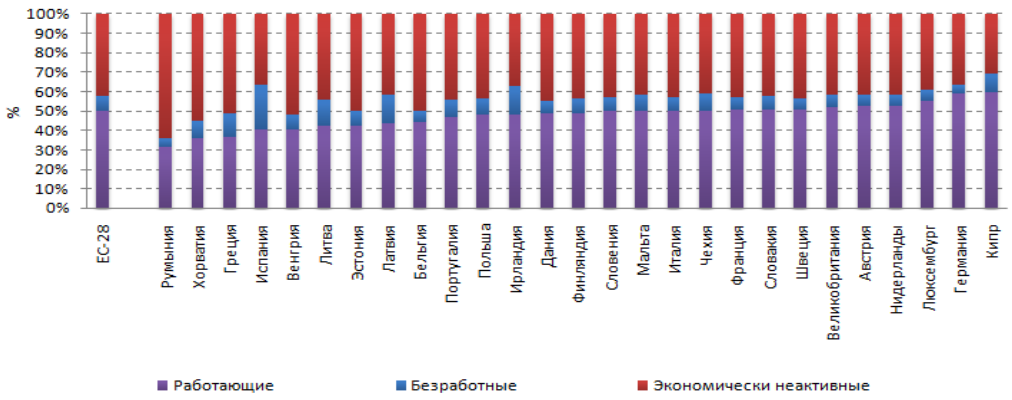

Рисунок 4 – Процент жителей стран ЕС, которые переехали в 12–месячный период, предшествующий переписи, по статусу экономической активности, 2011, % от общего числа лиц, которые переехали (данные Eurostat) [1]

Figure 4 – Percentage of EU residents who moved in the 12–month period preceding the census by economic activity status, 2011, % of the total number of people who moved (Eurostat data)

В странах, имеющих развитую экономику и разнообразие жилищных политик, активней происходят смена жилья, поиск и приобретение нового места жительства. При цивилизованных способах аренды и высоком уровне доверия к кредитной системе гражданин в большей степени независим от своего статуса владения. Арендатору легче найти арендодателя по более приемлемым условиям среди частного сектора, действующего по рыночным ценам, или государственного (общественного)– по социальному найму. Ипотекополучатель (залогодатель), находясь в условиях стабильной финансовой системы, вправе выбирать между кредитными механизмами, распространенными в европейских странах (кредит под залог недвижимости (ипотека), лизинг, ссуда, субсидия и т.д.).

Более того, расширенный и конкурентный способ поиска места для своего пребывания увеличивает ценность недвижимости, делает жильё «роскошью», со всеми атрибутами «субсидиарности» (уплата налогов, коммунальные расходы, безопасность, инвестиции, декларирование и т.п.).

[1]People in the EU – statistics on geographic mobility. Residents who moved in the 12–month period prior to the census, by activity status, 2011 (% of the total number of persons who moved) Source: Eurostat (ilc_lvps16) and (Census hub HC17) [Электронныйресурс] / Официальныйсайт Eurostat (Евростата). – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics–explained/index.php?title=People_in_the_EU_–_statistics_on_geographic_mobility (датаобращения: 12.11.2018).

И здесь можно, с одной стороны, согласиться с М. Кастельсом, для которого представители тех, кто мнит себя элитой, составляют своё символическое сообщество и формируют локально изолированные группы, закрываясь за спекулятивные границы цен на жилищное строительство[1]. Для испанского учёного все запросы на мобильность в жилищном секторе свидетельствуют о фактическом отсутствии социального «выбора»: перемещения происходят в зависимости от потребностей семьи, в частности, ее размера, а иногда и ее финансовых возможностей, регулируемых ритмом профессиональной жизни[2].

С другой стороны, государствами с развитой экономикой при достойном уровне социального обеспечения гражданам компенсируется недостаток материальных средств, возникающий при удовлетворении жилищной нужды. То есть представители элиты этих стран, несмотря на коммерческую заинтересованность в изоляции стоимости недвижимости, вынуждены принимать во внимание социокультурные ориентации, влияющие на этот процесс[3]. Например, в Дании пенсионер может рассчитывать на оплаченное государством отдельное социальное жильё с приходящей медицинской сиделкой, и, напротив, в Болгарии пенсионер будет надеяться на бесплатных волонтеров. В Бельгии и Австрии высок уровень муниципальных сообществ, и риск неплатежей по жилищным кредитам минимизируются местными субсидиями, в Румынии же гражданину пожмут руку, пожелают хорошего настроения и здоровья. То есть укоренённость социальных отношений и сетевых связей, возникающих при удовлетворении естественных жилищных потребностей, становится фактором, сказывающимся на территориальной мобильности жителей европейских стран.

Проведенное исследование неравенства европейских граждан при удовлетворении жилищных потребностей позволило выявить, как различие экономических систем сказывается на скорости и масштабах социальной и территориальной мобильности граждан ЕС. Этот вопрос играет значительную роль при разработке эффективной жилищной политики. Как показало исследование, доля лиц, сменивших свое жильё и переехавших в другое жилое помещение, существенно различается в зависимости от государства пребывания. Переезды свойственны жителям стран с более развитой жилищной политикой.

---

[1] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУВШЭ, 2000. – С. 349.

[2] Castells M. (1977) The Urban Question: A Marxist Approach. Cambridge: The MIT Press. – P. 168.

[3] Ерёмичева Г.В. Градостроительная политика освоения социального и территориального пространств советского и российского города // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаста, 3–5 апреля 2017 г. – СПб.: Норма, 2017. – С. 308.

Государства с транзитной экономикой и с ещё несформированной жилищной системой демонстрируют особый уровень оседлости на своей территории. Наравне с этим число переехавших лиц, определяемых как «экономически неактивные», больше всего именно в странах Востока Европы.

Таким образом, с особой осторожностью можно сказать, что рассматривать социальное пространство ЕС, ограниченное Шенгенской зоной, в виде абстрактного здания П. Сорокина не совсем верно, так как либо оно легло на свои стены крышей на запад и фундаментом на восток и вертикальная мобильность «вверх и вниз» по «социальным этажам» сменилась горизонтальной мобильностью внутри лестничных пролетов «государств благосостояния», либо оно представляет собой комплекс различных зданий с отличными жизнеустройствами, объединённых в единый жилмассив Европы.

Библиография/References:

1. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.

2. Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с.

3. Вирт Л. Избранные работы по социологии: сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; Пер. с англ. Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В. – М.: РАН ИНИОН, 2005. – 244 с.

4. Ерёмичева Г.В. Градостроительная политика освоения социального и территориального пространств советского и российского города // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаста. – СПб.: Норма, 2017. – С. 298-319.

5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.

7. Парк Р.Э. Избранные очерки: сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М.: РАН ИНИОН, 2011. – 320 с.

8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ.; Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

9. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. ст. Н.А. Харламова. – М.: ИКГ Праксис, 2012. – 576 с.

10. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – 336 с.

11. Чикагская социология: сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М.: РАН ИНИОН, 2015. – 430 с.

12. Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек: монография / предисл. Л.М. Дробижевой. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – 177 с. – URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961 (дата обращения: 12.12.2018).

13. Augustyniak H. (2013) To Rent or to Buy - Analysis of Housing Tenure Choice Determined by Housing Policy / H. Augustyniak, J. Łaszek, K. Olszewski, J. Waszczuk // National Bank of Poland Working Paper. – № 164. – 34 p.

14. Castells M. (1977) The Urban Question: A Marxist Approach. Cambridge: The MIT Press. – 502 p.

15. Fincher R. and Wulff M. (2001) Moving in and out of disadvantage: population mobility and Australian places / Creating Unequal Futures? Rethinking Poverty, Inequality and Disadvantage. / Edited by R. Fincher, P. Saunders. - Melbourne and Sydney: Allen & Unwin. – P. 158-193.

16. Glossary: Inactive – URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:Inactive (дата обращения: 12.11.2018).

17. Haffner M. (2009) Bridging the gap between social and market rented housing in six European countries? / M. Haffner, J. Hoekstra, M. Oxley, H. Heijden van der. - Amsterdam: IOS Press. – 306 p.

18. Housing conditions. Share of population having moved to other dwelling within the last five year period by tenure status and degree of urbanisation (ilc_hcmp05). – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/income-and-living-conditions/data/database (дата обращения: 12.11.2018).

19. Lefebvre H. (2003) The urban revolution. – London: University of Minnesota Press, Minneapolis. – 197 p.

20. Özcan P. (2005) A Critique of housing classes approach: The case of şentepe. – Ankara: 196 p.

21. Park R.E., Burgess E.W. (1992) The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – 240 p.

22. Saunders P. (1986) Social Theory and the Urban Question. Second Edition. London and New-York: Routledge. – 396 p.

23. Schengen Area // European Commission. DG Migration and Home Affairs. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen_en (дата обращения: 12.11.2018).

24. Shlay A.B. (2006) Low-income Homeownership: American Dream or Delusion? // Urban Studies. – Vol. 43. – № 3. – P. 511– 531.

1. Burd'jo, P. (2005) Social'noe prostranstvo: polja i praktiki [Social space: fields and practices] / Per. s franc.; Otv. red. perevoda, sost. i poslesl. N. A. Shmatko. – M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja. – 576 p. (In Russ.).

2. Weber, M. (2001) Istoriya khozyaystva. Gorod [History of economic entity. The city]. – M.: KANON-press-TS, Kuchkovo pole. – 576 p. (In Russ.).

3. Virt, L. (2005) Izbrannye raboty po sociologii: sbornik perevodov [Selected works in sociology: collection of translations] / RAN INION. Centr social'nyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel sociologii i social'noj psihologii; Per. s angl. Nikolaev V.G.; Otv. red. Girko L.V. – M.: RAN INION. – 244 p. (In Russ.).

4. Eremicheva, G.V. (2017) Gradostroitel'naja politika osvoenija social'nogo i territorial'nogo prostranstv sovetskogo i rossijskogo goroda [Urban development policy of development of social and territorial spaces of the Soviet and Russian city] // Social'nye i prostranstvennye izmerenija sovremennogo megapolisa [Social and spatial dimensions of the modern metropolis]. Materialy IX sociologicheskih chtenij pamjati V.B. Golofasta. – SPb.: Norma. – P. 298-319. (In Russ.).

5. Castells, M. (2000) Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture] / Per. s angl. pod nauch. red. O.I. Shkaratana. – M.: GU VSHE. – 608 p. (In Russ.).

6. Merton, R. (2006) Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure]. - M.: AST. – 873 p. (In Russ.).

7. Park, R.E. (2011) Izbrannye ocherki: sbornik perevodov [Selected essays: collection of translations] / RAN INION. Centr social'nyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel sociologii i social'noj psihologii. Sost. i per. s angl. V.G. Nikolaev; Otv. red. D.V. Efremenko. – M.: RAN INION. – 320 p. (In Russ.).

8. Sorokin, P.A. (1992) Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society] / Per. s angl .; Obshch. red., sost. i predisl. A.YU. Sogomonov. – M.: Politizdat. – 543 p. (In Russ.)

9. Urri, Dzh. (2012) Mobil'nosti [Mobilities] / Per. s angl. A.V. Lazareva, vstup. st. N.A. Kharlamova. – M .: IKG Praksis. – 576 p. (In Russ.).

10. Urri, Dzh. (2012) Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya [Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty first century] / Per. s angl. D. Kralechkina. – M.: izd. dom VSHE. – 336 p. (In Russ.).

11. Chikagskaja sociologija: sbornik perevodov (2015) [Chicago sociology: collection of translations] / RAN INION. Centr social'nyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel sociologii i social'noj psihologii; Sost. i per. Nikolaev V.G.; Otv. red. Efremenko D.V. – M.: RAN INION. – 430 p. (In Russ.).

12. Janickij, O.N. (2018) Globalizacija. Gorod. Chelovek [Globalization. City. Person]: monografija./ predisl. L.M. Drobizhevoj. – M.: FNISC RAN. – 177 p. – URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961 (data obrashcheniya: 12.12.2018) (In Russ.).